

перкарго Ван-Гойк, уткнувшись в реестр товарный», — он, разумеется, не меняет костюма и не наводит перед этим грим. Но перед нами происходит чудесное превращение. Мы видим пирата, охотника за людьми — с брезгливым и хищным ртом, с тяжелой челюстью и мутными глазами убийцы. «Сивуху дрянную отдал за них, стекляшки и позументы. Пусть триста подохнут, и то мой барыш превысит семьсот процентов», — произносит Ван-Гойк. И в эту интонацию вплетается саркастическая нота, выражающая отношение автора композиции к торговцам «черным мясом» прошлого и настоящего.

Эта многоплановость чтения особенное впечатление производит в исполнении Голубенцевым поэмы Бориса Корнилова «Моя Африка». Артист заставляет нас увидеть, почувствовать метель на пусты-

ров, вдруг вспомнивших при звуках самбы свою далекую родину и то, «что кандалы на неграх не распались, что корабли невольничьи все рыщут... и все еще на свете существуют, лишь изменив свое названье...»

Совсем иначе звучат стихи Назыма Хикмета «Письма к Таранта-Бабу». Голубенцев садится на стул, подперев голову руками, как близким знакомым, рассказывает слушателям об истории этих писем, об африканце, который приехал в Рим учиться, но погиб в застенках Муссолини. Образ негра, пораженного несправедливостью и ложью цивилизованного